

веса, умъ же твой иная мыслить, вѣждь, яко смертію, сирѣчь непрощенно согрѣшаеши“.

Вмѣшались въ дѣло Поляки, іезуиты, находившіеся въ Москвѣ; по рукамъ ходили польскія книги, наполненныя латинскими мудрованіями; слышались голоса, что на Флорентійскомъ соборѣ Латины осилили Грековъ ¹⁾.

Что такое Флорентійскій соборъ: кто знаетъ, и гдѣ взять прочесть, чтобъ было что отвѣчать врагамъ? Іоакимъ пишетъ въ Кіевъ, къ митрополиту Гедеону: „Нынѣ, грѣхъ ради нашихъ, видимъ, что дышетъ на паству змѣй адскій; одни принимаютъ и хвалятъ соборъ Флоренскій, другіе его не принимаютъ — и споръ идетъ въ томъ сильный, а вѣрныхъ писаній объ стороны показать не могутъ, потому что въ книгахъ нашихъ рѣдко гдѣ объ этомъ находимъ извѣстіе; и тебѣ бы, сынъ, постараться, извѣститъ нашей вѣрности, для чего этотъ соборъ былъ, какъ начался и всѣми четырьмя патріархами принять ли. Хотимъ получить извѣстіе отъ вашихъ книгъ, потому что у васъ больше объ этомъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ“. Гедеонъ объяснилъ въ чемъ дѣло, указавъ на печатанныя книги, гдѣ заключаются извѣстія о Флорентійскомъ соборѣ, и между прочимъ указывалъ на книгу, отпечатанную въ Москвѣ въ 1648 году: „Книга о вѣрѣ единоистинной и Православной и о Св. Восточной Церкви“. Въ концѣ письма Гедеонъ говоритъ: „Азь твоему святѣйшеству, яко отцу архипастырю и господинови моему, исповѣдую, яко Флоренское соборище неприимую, паче же яко ересь противную отметаю“.

На этомъ можно было успокоиться; но приверженцы Медвѣдева для подтвержденія своего мнѣнія указывали на изданную въ Малороссіи книгу „Выкладъ о церкви святой и о службѣ“. Іоакимъ опять обращается въ Кіевъ къ митрополиту Гедеону и архимандриту Кіево-Печерскому Варлааму Ясинскому, въ Черниговъ къ Лазарю Варановичу, указываетъ имъ на авторитетъ отцовъ Восточной Церкви, возстаетъ противъ новыхъ Могилинскихъ книгъ (Великій требникъ и служебникъ, Екзегезисъ свѣдѣствъ Коссова, Книжка о седми sacramентахъ, Лиоосъ), какъ не соглашающихся съ Православнымъ исповѣданіемъ. Въ Кіевѣ отмалчиваются; патріархъ настоятельно требуетъ, чтобъ прислали согласіе свое съ московскимъ опредѣленіемъ времени пресуществленія; грозитъ, что въ противномъ случаѣ пожалуется четыремъ патріархамъ; требуетъ, чтобъ прислали для объявленій „мужа смиренномудра, прискренно Восточныя Церкви сына, вѣдуща извѣстно писанія Св. Отецъ, а не силлогизмамъ и аргументами токмо упражняющася“. Нѣтъ отвѣта, потому что между Москвою и Кіевомъ идетъ другая пересылка: къ гетману Мазепѣ и кіевскому знатному духовенству отослана Манна вмѣстѣ съ сочиненіями Лихудовъ; на послѣднюю написали

обличеніе и переслали въ Москву черезъ князя Вас. Вас. Голицына, когда онъ былъ во второмъ Крымскомъ походѣ ²⁾.

Такимъ образомъ, партія Медвѣдева находила себѣ сильную поддержку во дворцѣ; Манна была написана по приказанію Софій. Голицынъ пересылалъ написанное въ Кіевѣ обличеніе на Лихудовъ. Мало того! Голицынъ считался покровителемъ іезуитовъ, которые, благодаря ему, явились въ Москвѣ. Французскій іезуитъ, который былъ въ это время въ Москвѣ, съ цѣлію пробраться чрезъ Сибирь въ Китай, такъ отзывается о Голицынѣ. „Этотъ первый министръ, проиходившій изъ знаменитаго рода Ягеллоновъ, безъ сомнѣнія, былъ самый достойный и просвѣщенный вельможа при Дворѣ Московскомъ; онъ любилъ иностранцевъ, и особенно Французовъ, потому что благодарныя наклонности, которыя онъ въ нихъ замѣтилъ, совпадали съ его собственными; вотъ почему его упрекали, что у него и сердце такое же французское, какъ и имя. Еслибъ дѣло зависѣло отъ него одного, то разумѣется всѣ наши желанія были бы исполнены; еслибъ онъ былъ полнымъ хозяиномъ, еслибъ онъ не долженъ былъ вести себя осторожно относительно другихъ бояръ, то съ удовольствіемъ открылъ бы намъ путь въ Сибирь и облегчилъ бы намъ доступъ въ Китай, изъ уваженія къ Людовику Великому, котораго онъ былъ страстный поклонникъ. Меня уверяли, что сынъ его носилъ портретъ его величества въ формѣ Мальтійскаго креста, что отецъ считалъ для себя великою честью“ ³⁾. Другой посланникъ, бывшій въ Москвѣ въ описываемое время, не иначе называетъ Голицына, какъ великимъ человѣкомъ. Описывая свой первый пріемъ у перваго министра, онъ говоритъ: „Я думалъ, что нахожусь при Дворѣ какого-нибудь италіянскаго государя. Разговоръ шелъ на латинскомъ языкѣ обо всемъ, что происходило важнаго тогда въ Европѣ; Голицынъ хотѣлъ знать мое мнѣніе о войнѣ, которую императоръ и столько другихъ государей вели противъ Франціи, и особенно объ Англійской революціи; онъ велѣлъ мнѣ поднести всякаго сорта водокъ и винъ, совѣтуя въ то же время не пить ихъ. — Голицынъ хотѣлъ населить пустыни, обогатить нищихъ, дикарей, сдѣлать ихъ людьми, трусовъ сдѣлать храбрыми, пастушескіе шалаши превратить въ каменные палаты. Домъ Голицына былъ одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ въ Европѣ“ ⁴⁾. До насъ дошло подробное описаніе этого великолѣпнѣйшаго дома, сдѣланное по приказанію правительства послѣ сверженія Голицына ⁵⁾. „Въ палатѣ подволока накатная, прикрыта холстами, въ серединѣ подволоки солнце съ

²⁾ Рукоп. Синодал. библиот. № 346; розыскъ Медвѣдева см. ниже.

³⁾ Voyage en divers etats d'Europe et d'Asie, entrepris pour decouvrir un nouveau chemin à la Chine, p. 246.

⁴⁾ De la Neuville—Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, p. 15, 177, 178.

⁵⁾ Книга Малорос. Приказа, № 109, въ Арх. Мин. Юстиціи.

¹⁾ Рукоп. Синодал. библиот. № 452; Пискарева—Древнія грамоты и акты Рязанскаго края, стр. 130.

лучами, вызолочено сусальнымъ золотомъ; кругъ солнца бѣги небесные съ зодіями и съ планеты писаны живописью; отъ солнца на желѣзныхъ трехъ прутахъ паникадило бѣлое костяное о пяти поясахъ, въ поясѣ по осьми подвѣчниковъ; цѣна паникадилу 100 рублей. А по другую сторону солнца—мѣсяцъ въ лучахъ, посеребрень; кругъ подволоки въ 20 клеймахъ рѣзныхъ позолоченныхъ, писаны пророческія и пророчицъ лица. Въ четырехъ рамахъ рѣзныхъ четыре листа нѣмецкихъ, за листъ по пяти рублей. Изъ портретовъ были у Голицына: В. К. Владиміра Кіевскаго, царей—Ивана IV, Ѳеодора Ивановича, Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича, Ѳеодора, Ивана и Петра Алексѣевичей; четыре персоны королевскихъ. На стѣнахъ палаты въ разныхъ мѣстахъ пять зеркаль, одно въ черепаховой рамѣ. Въ той же палатѣ 46 оконъ съ оконницами стеклянными, въ нихъ стекла съ личинами. Въ спальнѣ въ рамахъ деревянныхъ вызолоченныхъ землемѣрные чертежи печатные, нѣмецкіе, на полотнѣ; четыре зеркала, двѣ личины человѣческихъ каменныхъ арапскія; кровать нѣмецкая орѣховая, рѣзная, рѣзь сквозная, личины человѣческія и птицы и травы; на кровати верхъ орѣховый же рѣзной, въ серединѣ зеркало круглое; цѣна 150 рублей¹⁾. Девять стульевъ обиты кожами золотыми; кресла съ подножіемъ, обиты бархатомъ. Много было часовъ боевыхъ и столовыхъ во влагалищахъ черепаховыхъ, оклееныхъ усомъ китовымъ, кожею красною; Нѣмчинъ на конѣ, а въ лошади часы. Шкатулки удивительныя со множествомъ выдвижныхъ ящичковъ, чернильницы янтарныя. Три фигуры нѣмецкія орѣховыя, у нихъ въ срединахъ трубки стекляныя, на нихъ по мишени мѣдной, на мишеняхъ вырѣзаны слова нѣмецкія, а подъ трубками въ стеклянныхъ чашкахъ ртуть“.

У перваго министра было много книгъ: Похвала благочестивымъ государемъ царемъ, сложеніе іеромонаха Антонія Русаковскаго. Книга печатная благодарственная къ В. Государемъ. Книга писаная—врученіе привиліе на академію. Книга писаная о гражданскомъ житіи или о поправленіи всѣхъ дѣлъ, яже належать обще народу. Книга Тестаментъ, или завѣтъ Василія царя Греческаго

1) Въ 1678 году Софія подарила Голицыну кровать съ позолотою и росписаніемъ. Приказныя дѣла Москов. Арх. Мин. Ич. Д. 1687 года.

сыну его Льву Философу. Како царица Олунда близяеть пороги и како ихъ свекровь и ея мать цесарева хотя погубити. Граматикъ печатной. Книга писанная на польскомъ языкѣ. Книга Іова Лудольфа письменная. Книга письменная переводъ отъ Вселенскихъ патріарховъ Мелетія діакона. Книга переводъ съ польскаго письма съ печатные книги, глаголемой Алкоранъ Махметовъ. Книга съ польскаго письма съ исторіи о Магилонѣ Кралевнѣ. Книга о послахъ, гдѣ кому въ которомъ государствѣ поклониться. Четыре книги нѣмецкихъ. Четыре книги письменныя о строеніи комедіи. Восемь книгъ календарей разныхъ лѣтъ. Книга рукописнаго права, или уставъ воинской Голландской Земли. Пѣвчая нѣмецкаго языка. Граматикъ польскаго и латинскаго языка. Исторія письменная польскаго языка. Конскій лѣчебникъ. Книга на нѣмецкомъ языкѣ всякимъ рыбахъ и звѣрямъ въ лицахъ. Судебникъ. Родословная. Артикульная. Рукопись Юрія Сербенина. Лѣтописецъ Кіевскій. Соловецкая челобитная. Книга о ратномъ строю. Книга землемѣрная нѣмецкая.

Въ 1689 году въ другой разъ эти великолѣпныя палаты увидали господина своего, печально возвращавшагося изъ неудачнаго похода. Люди, искавшие милостей любимца, попрежнему толпились въ изукрашенной залѣ, восхищаясь солнцемъ и мѣсяцемъ въ потолокѣ, превозносили удачу похода, поздравили съ милостями царскими. Но Голицынъ зналъ, сколько людей негодуеть на эти милости, какъ незаслуженно полученныя. Павительство изо всѣхъ силъ поддерживало Голицына, превознося его подвиги; но это правительство само нуждалось въ поддержкѣ, и Голицыну нечѣмъ было поддержать его: онъ не приобрѣлъ славы великаго полководца, разгромившаго поганые улусы татарскіе, не приобрѣлъ чрезъ это народной любви, которою могъ бы прикрыть Софію, держать враговъ ея въ почтительномъ разстояніи. Нравственныя средства спасенія были потеряны въ неудачныхъ крымскихъ походахъ. Поддержать Софію могъ одинъ Шакловитый своими средствами, на которыя не былъ способенъ Голицынъ. Оберегатель находился въ тяжкомъ положеніи: ему оставалось не одобрять средствъ Шакловитаго, и въ то же время робко, затаясь отъ самого себя, желать имъ успѣха, который одинъ могъ спасти его. Медлить, откладывать, выжидать нельзя стало больше: дѣло быстро приближалось къ развязкѣ.

Глава II.

Паденіе Софіи. Дѣятельность царя Петра до перваго Азовскаго похода.

Значеніе Петра и совершеннаго имъ переворота. — Воспитаніе Петра. — Учителя-иностранцы. — Строеніе судовъ. — Женитьба Петра. — Столкновеніе съ правительницею. — Намѣреніе Софіи вѣнчаться на царство. — Вражда Софіи къ царицѣ Натальѣ Кириловнѣ. — В. В. Голицынъ и Шакловитый. — Напрасное стараніе поднять стрѣльцовъ. — Неудовольствія со стороны Петра. — Сборъ стрѣльцовъ въ Кремль 7-го августа. — Вѣгство Петра въ Троицкій монастырь. — Напрасныя попытки Софіи примириться съ братомъ. — Стрѣльцы принуждаютъ ее выдать Шакловитаго. — Розыскъ Шакловитаго; ссылка Голицыныхъ. — Распря между близкими къ Петру людьми по поводу Голицыныхъ. — Казнь Шакловитаго съ товарищами. — Новые доносы на князя В. В. Голицына и отягченіе его участи. — Розыскъ и казнь Медвѣдева. — Отстраненіе Софіи отъ правительства и заключеніе ея въ монастырь. — Продолженіе допосовъ. — Новое правительство. — Ссора князя Бориса Голицына съ Долгоруками. — Лефорть. — Царскіе потѣхи. — Компания. — Состояніе общества. — Дѣла Малороссійскія. — Положеніе Русскихъ людей въ польскихъ областяхъ. — Мазепа и Палѣй. — Дѣла объ откупѣ.

„Въ одномъ государствѣ царственный ребенокъ, вслѣдствіе семейной вражды, гоненія отъ родственниковъ, подвергался страшнымъ опасностямъ, спасся чудеснымъ образомъ, воспитывался въ уединеніи, среди низкихъ людей, набралъ себѣ изъ среды этихъ людей новую храбрую дружину, одолѣлъ съ нею противниковъ и сталъ основателемъ новаго общества, новаго могущественнаго государства, проводилъ всю свою жизнь въ борьбѣ и оставилъ по себѣ двойную память: одни благославляли его, другіе проклинали“.

— О комъ это идетъ рѣчь; что это, хотя бы намъ повторять старую сказку о Кирѣ и Ромулѣ; кто ей теперь вѣрить?

Сказывается не сказка, не о Кирѣ и Ромулѣ идетъ рѣчь, — приводятся неоспоримыя извѣстія о Русскомъ царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, который жилъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка; пора оставить толки о сказкахъ, о мифахъ, и подмѣчать общіе законы историческихъ явленій.

Мы видѣли, что во второй половинѣ XVII вѣка Русскій народъ явственно тронулся на новый путь; послѣ многовѣковаго движенія на востокъ, онъ началъ поворачивать на западъ, — поворотъ, который долженъ былъ необходимо вести къ страшному перевороту, болѣзненному перелому въ жизни народной, въ существѣ народа, ибо здѣсь было сближеніе съ народами цивилизованными, у которыхъ надобно было учиться, которымъ надобно было подражать. Вопросъ о томъ, могло ли сближеніе съ европейскими народами и воспринятіе ихъ цивилизаціи совершиться въ Россіи спокойно, постепенно, безъ увлеченій, рѣшается легко при внимательномъ наблюденіи общихъ законовъ историческихъ явленій. Когда мы говоримъ о просвѣщеніи, о цивилизаціи, то разумѣемъ громадную силу, которая безконечно поднимаетъ народъ, ея обладающій, надъ народомъ, у котораго ея нѣтъ; какъ же теперь съ понятіемъ о слабости соединить понятіе силы? Какъ предположить, что широта и ясность взгляда, сдержанность, самостоятельность, плоды цивилизаціи давней и крѣпкой должны

быть достояніемъ народа нецивилизованнаго? Съ другой стороны, въ жизни народовъ мы замѣчаемъ извѣстные періоды, въ которые они проводятъ извѣстное начало, живутъ имъ, подчиняются ему вполне; наступаетъ другое время, на очереди становится новое начало, и народъ предается ему; новое начало начинаетъ господствовать насчетъ стараго, обнаруживается обыкновенно сильная вражда къ послѣднему, отрицаніе того, что было при его господствѣ, дурные отзывы о времени этого господства; народы въ этомъ отношеніи не любятъ, не могутъ работать двумъ господамъ: если одного возлюбятъ, другого непременно возненавидятъ. Здѣсь возможна только злая борьба между двумя началами, старымъ и новымъ, борьба, необходимо раздражающая, ведущая къ увлеченію, къ крайностямъ. Можно ли себѣ представить, чтобъ молодой, исполненный жизненныхъ силъ народъ, сблизившись съ другими, превосходящими его народами, понявши, чрезъ сравненіе, недостатки своего быта, не бросился вдругъ на все то, что казалось ему лучшимъ у другихъ? Да и можно ли было медлить, когда несостоятельность въ всемъ, несостоятельность матеріальная и нравственная, была такъ явна? Когда нельзя было начать ни одного дѣла, не начавши вмѣстѣ съ тѣмъ и многихъ другихъ, этому дѣлу способствующихъ, для него необходимыхъ? Западные европейскіе народы въ описываемое время, относительно цивилизаціи своей, стояли высоко надъ Русскимъ, который долженъ былъ идти къ нимъ въ ученіе; но для этихъ самыхъ западныхъ народовъ не прошло еще тогда время рабства чужому, нерадѣнія о своемъ, презрѣнія къ нему; ослѣпленные блескомъ античной цивилизаціи, съ неодолимою силою потянулись они къ ней, доходя иногда вначалѣ до дикихъ увлеченій, отдались въ науку Грекамъ, Римлянамъ, даже Италіанцамъ, прежде другихъ познакомившимся съ Греками и Римлянами; свое было въ опалѣ, къ своему относились какъ къ варварскому; значенія, величія своей исторіи въ сравненіи съ исторіею Грековъ и